

ТЕТРАДЬ

для _____

Матвеевой Веры
Николаевны (дог.)

учени _____

класса _____

школы _____

д.р.: 58-70-59.

В этой тетради изложена жизнь
вкратце крестьян Алтайского края,
Починского района, село Сланда.
Хварова Павла Дмитриевича и его
дочери тоже Хваровой Еваменты
Павловны, которой 20 сентября 2001 года
исполнится 100 лет.

Федора были собственными казаками с Великим
именем его была казачкой. У него было два сына
Дмитрий и Федор. У Дмитрия - Алексей, Василий,
Павел. У Федора - Иван, Терасим, Готр. У всех
детей была кура.

Мой дедушка Павел был привезен 12 летним
с Уткеля, это недоезжая в Бийск, а потом
переехали по ту сторону в Бийск до их села
Сланда 90 км. Там была непроходимая
тайга, колючками, пахали, колосе грибов
засеками, земля была очень хорошая, климат
умеренный, выживали хорошие хлеба, дыни,
арбузы. Село Сланда было большое примерно
дворов 500, разбегалось вдоль реки Сландина
и на лугах. А наши жили на мысе 13 домов
в основном 9 домов Хваровы, Казанцева, Дровские,
Варналовы и Исачевы. Жили очень богато и
дружно. Дома строили деревянные, двухэтажные
и одноэтажные с амбарами, дворами. Дома были
обшиты в красивой кружевной фольгой, красивой

в бордовой цвет, а корки из, стехни, мамлетки
в белый, такая красота была тогда у нас.

Меня все в достатке, мяса вспоминает, как
напоминает уборка хлеба, так сутками работали
у одного елалыт, привозят, свезли в мешки
и увозят в аймак, это делами за весь световой
день, а ногою машину перевозят к другому и
так, пока у всех не уборят хлеб.

И менцином покой не было, надо управлять
со скотиной, птицей, все же макурить, чапчи
хлеба, пирогов, готовят, варят и жарят все.
Очень дружно жили. Мамы о детстве вспоминает
очень много работали - пряли, ткали, шили,
вышивали, вязали все это свое, но и поветь
знала что.

Старая говорит амдарушка, а в ней погреб
набит льдом и хранят летом соленое мясо,
рыбу, масло, сметану, творог, сливки, молоко.
А зимой в аймаках были тунцы Заганов,

гусей, уток, кур, держали свиней, но мясо
добавляли к говядине только на пельмени, а
подбрюшье, само варили мясо. Из раститель-
ного масла варили краску для пола.

Летом говорит как по звонку едут за
грибами, очень много было грибов, так мам-
ке бабушка велела отобрать отдельно и солить
в тунцы - это говорит для гостей, а больше в
кадки. Собирали черемуху, сушили, мололи,
и пекли пироги. Смородины и клубнику тоже
сушили для пирогов, киселей и варили варенье.

И нас же вся родня собирались и пекли пироги
с рыбой, ягодами, варили яйца и вот за 90 км
ехали в г. Тушиак к тюркее и раздавали.
Открывали ворота, они подходили и каждому
подавали и поздравляли с праздником.

В селе была церковь на фундаменте, а сама
деревянная, покрашена в голубой цвет, такая
говорит красавица и на веселом возвышенном
месте, но с приходом Советской власти

священника и еще двоих тут же расстреляли.

Богатых мужиков собрали из разных деревень и погнали конвоем умами за 12 км. Госадели и 2^х часовых поставили. Из деревни Вишнякиной одного так издевались плетью, он говорит не мог ни сидеть, ни лежать, а стоял на коленях и локтях. Вот задумался Павел говорит потом, как открывается дверь, тогда мы сейчас меня вызовут, но бог бессловал - отпустил.

Второй раз топить задумались, и прогудели, руки связали и топить, а одним говорит мальчик мне и у него два сына, здоровые боги, его хотел охранник оттолкнуть, а он и его и сам утонул. После этого прекратили и опять отпустили. Потом говорит криклява бумагу коллумаган, что вот не помани безвинных людей.

Но нормальный образ жизни нарушила война, то больше идут, то красные и те и другие

забирают лошадей, продукты. Но самый страшный воскресел творился, как мама называет (переворот) Крижозит, что правитель то и берут, не считаясь ни с кем. Гискину даже великая втычка в албаре, ни грамма не оставили семье, а их было 5 душ. Но как говорится, мир не без добрых людей. Подумав приезжает на помощь (там была избушка) стоит человек с ижемерой, а он добротой подходит к маме, держит повод. А маме приезжает (возмесь обещания) сосед Шеталин и говорит, куда Павел, а тебе забросил лошадь и конюшня, хотя поселишь, потом и на еду привезу.

Землю занимали у кого сколько сил хватало для обработки. Занимались х.евонашеством, избушки увозили на продажу в 7 км от Кемь в достатке вплоть до самой революции.

Мама в 1923 году вышла замуж за Хворова, а в 1925 году родилась в, в 1928 году Дух. Павел

В семье родился мальчик, умор в старости от
голода. Лёвост выдала с приданым и обязатель
у неё были материнский золотой кура, кашубо и серош,
перина, подушки, только из гусиного пуха,
одежда стеганая на верблюжьей шерсте,
Полотенца, скатерти, покровы и шартанго и
льняные, палатки, мешки и обязательно
скотину и птицу.

А вот мой отец про секретной, от отца
остался один лет и краше его четыре брата и
сестра. Все они жили отдельно семьями. В 1914
Германскую мой дяди Григорий и Семен безвести
погибли, а двое пришли ранеными Михаил и
Василий, потом Михаил умер от тифа. Дядя
Вася с семьей и бабушка Алексея по отцу жили
вместе с мамой отцом. Вот в эту семью маме
были замуж воеводой. Проник три года, их
отделили и с мамой умер бабушка, маме было
1,5 года она умерла.

Мой отец до 1923 года служил в г. Новосибирске
в охране революционного трибунала. Последний
набор Колчаком, взяли его 14 летним.

Женившись начал обживать, а земли
уже стали давать на мужскую душу 3 га, но
этого было недостаточно, ведь на хлеб надо
было и прокормиться и еще деньги мужины
это-то приобрести для хозяйства. Там у нас
костром, сапоги, покупалась все отдал за
землю, а сам остался в шабуре (верхняя одежда,
сотканная из шерсти, запаивалась как туфта
и подпоясывалась опояской - которую тоже из
яркой шерсти ткали, а на концах делали
кисети) Под шабур одевался овсянный полушубок
(когда едет в большую дорогу) Белье из хлопка,
булочки шерстяные дамотканые.

Сезон проко, шкитю, конюше, подвалюх,
лен, на крупорушке обрабатывали - покупали
итого, клетку, из конюши и подвалюх работали
мало.

Мамы в доме совершенно пустой, кроме
кухонной утвари, деревянная кровать и в
кухне и в комнате постель и все. За замешанным
ваши распахали землю, посеяли пшеницу,
запасли 15 пудов, хлеб родился хороший. Остава
для шестаних, два сена, а остальной продали,
на вырубке земли приобрели 2 телеги на
мануальной тяге, 3 сажки в г. Тульске там же
их сковали, покрасили темной краской, куши
вдую (хашути, сажки, дуги).

От раздачи в братом Василием досталось
3 рабских лошади и 2 подростка, 2 двойных
коровы и 2 теленки, 13 овец, 3 свиньи, 15 кур,
2 гусята и гусак. Это досталось от бабушкиных
наш. Мама родилась (отца с 1899 года, а маме с 1906)
начали думать, как построить теплицу для
для скота и птицы, а дрова нет, лес надо
купить. Вот мама отдала отцу лес, и через
семь летное он уезду в г. Тульск и продал.

на вырубке земли купил лес, построил, и
кровать опять пошел. Тогда навозили солому,
глину и лошадыми топтали, вливая от
накладвал в вады, а муравлем мама
ловила на крыше и размазывала массу,
потолок был из горбыля. Тогда покрыть крышу,
дрова опять нет, отцу договорился с одним
крестьянином Григорьевым, ему спускал за
землю, а тот ему покрыл крышу вместе с
отцом. Вот такой получился теплый сарай
для скота и птицы. Так до самого Сталина
трудиться не знала покоя.

Стали накладывать налов, платили налог,
продали бабушкину корову и 2 подростка налов
уничтожили. Затем в 1930 году сразу все отобрали,
а их выслали в избушку, а из избушки в наш
дом, так эта новизна "хозяйка" приходила к маме
и спрашивает, а где палочки, занавески на окно?
Мало ей хозяйства, дом, так еще отдают это.

Проехав лесом, переехали в кулацкий дом
в семье в составе 12 человек, с одной издой,
ночь, полати, койка, но дом не стоил. Проехав
некоторое время нас опять ввели в
деревню Овезникова за 50 км. под полатки
в отаринский праздник. Возвращение (3 мая)

Проехав ровно год и опять повезли в
в Бийск на лошадях уже истощенных,
исхудавших. Да семье не помнит сколько
давали, но полених сахару повезли полмешка
и 3 фунт и 3 детей. 3ий родился в Овезниково,
у знакомой под кроватью, она боялась, чтобы
активисты не узнали. Мальчик от голода умер в
Ставрополе. Из семьи Овезникова тогда забрали и
повезли. А маму с 3 детьми привезли в Бийск
в рабочих вагонах, кругом охрана, а если вить
по составу были надзорные тут же милиционеры,
стажеры, дети, все по порядку без разбора. То приехали
в Бийск всех позвали в баню, поминки дорог

была выложена булыжниками, оказывалась 319
дорога повезли к костелу. Сирота это же два года
в 1995 году один вначале ехал, а потом ехали,
а второй умерли в гору. Я шла сироты с краю,
а сестренка слева, держась за юбку мамы, а у
мамы на руках грудной ребенок. Другой охранник
с винтовками и мне кокаш - то милиционеры подали
булочку, а охранник вынул из моих рук, в баню
мама, сестренка тоже и конечно не только мама,
а вокруг кто где плакал. В бане мылись
все вместе старики, милиционеры и дети.

Вот сейчас, когда я дожило до 45 лет путь
верет, какое глумление было над крестьянством.
В Полесске погрузили в вагон следы, маму
раскадривает в своей выло вольная маму, тот
этой маму закрывал, но воком повадил маму,
а мамочка грудного на колени. Повезли в Ставрополь.
Остановка была Бельгийский, но вагон ехало
два поленицы здоров для карождо, а кругом

матюшка тайга. Возим стариков, женщин с
детьми. Берем трав и приказали ехать,
никто не шая. Затем был дан вотерел,
второй, третий и с ровом все эта масса
звинулась по тропе. Возим также немощных
стариков и старух на носилках.

Потом старик вырубали просеку, а там мы
под лесом вода комары и мошка. Стали рубить
осеники, ложить в несколько рядов, наложив
веники, матышки наматы, закурили сушено
шнур и оставили в наматы, этим дымом
вспаслиась дети и старики, зато глаза от дыма
выдало, все сидели красноглазые.

Все продукты, что было без отбора, а
потом стали давать по граммал, то увидут
горюх, то овес, то пшемицу по 100 гр, на человек,
народ стал муреть в день зывало по 15-20 урдов,
а потом немому было днать, стали завертывать
в наматы, келетали и ложили в мешки по
1-2 человек.

Лохами рубить лес, все носили на руках,
никакого приспособления не было, срубивши
барак в лесу, пригнали лошадей, на 10 человек
давали лошадей. Каршка не было, делали глино-
битные печи, затем 2-3 этажные погаты и
кары, вот и жили радуйся.

Все же потом гоняли на раскартевку леса
под пашки, на покос, а люди худые, немощные
как пойдут через корзю пойдут там и
останется мертвыми. Люди заболели,
медицинской помощи никакой, началась
смертность детей и это страшное они не
могли от голода даже сойти с нар, ноги и
руки были как пати, а пельботы как барабан,
смотреть было страшно. Ушиного и куриного
сметота валили марод. Маму в лес привозил
с детьми в Белый Эр, а отец осенью взлетел из
тюрьмы и пробрался в Белый Эр, к семье. Врун
поварился, чтобы выжить.

Его включили в войну, и они ушли санинтер
купом доставляли продукты, а у кого чего не
стобрили (дрюцетом, мясом, картошкой, капустой)
мало отдавали отцу и он менял у ребятков
на рубль и к весне мы с сестричкой стали
существовать с чаем и табаком на уличку, так
остались почти. Затем приехал вербовщик,
здоровых, мажорных, но потощавших завербовали
в Кузбасс на шахты.

Вот так моя родина освободилась от
фашизма, но в Кузбассе мне не было райского
места, а поселили на берегу Волгата под полатами.
Сидеть вырубали маленький лес, вывели плетни,
а между ними застлали землей, а на потом
давали горбыли, тоже застлали землей. В шахте
работали на комманды, которые возили вагончики
с углем. Были женщины в шахте и на затопках
вывозить породу на тельфером. Женщины не
имели права устроиться даже тажиинской,

только лесосекая и шахта. Бюджет стали
давать еду и стирали 2½ квадратные метра,
каменатка и кухня по одну в комнате, медве-
дье семочки, в соток огород. Было построено
школы до 4-х классов, больница для детей, водо-
качка, магазин, баня, клуб, но выехать в город
не было охраны и комманданто. Ушли без устро-
ившихся 5 суток арест 200 руб, хлеба, крушки воды
не выполняли поручения могли совсем не
предоставлялись ешима комманданту.

Мойки на шахте не было и вот шахты
в снеговке (зимой колоде ешима) бероят дачей
как кедр, видно один зубок, снеговку ешима,
гряде вахитов, в корте мало, мало ешима
и на кедр-отдыхать. Хлеба давали шахтеру 1 кг,
а на поварах 200 руб, а ешима 200 руб. Хлеба
давали ешима, крупу, сахар, печенье 400 руб по
месяцу, это пошито ешима ешима ешима
но 2,5 года кричит - Родина, дай печенье? о м

дальше, забивают и вытесняют, а ведь иркутск еще
некоторые остались старушки, улетают от крика
и красота меня - Веря, да отдай ты ей, шутка бы
свет и не юрится, а в плагу и говорю, мама будет
ружась. А мама работала в совхозе комендант
поселка с 8 до 10 вичур, обед 2 часа. В обед ей
давали похлебку из свекольных листьев и несколько
штук картошечек. Приблизит на обед, нас покорили
этой вытеснкой, а сама опять на работу голодная
вот так и жили. Мои дети были предоставлены
самим себе.

Отец работал на стройке и его бригаду послали
строить копер на шахте Камитальмаз, сейчас
она или Вахрушева г. Камитальмаз, сейчас
За добросовестно хорошо выполняемую работу с
его бригадой их первых из поселка Восстановили
и выдали паспорт без права вождения. Но молодость,
теплыми пить и подкрепиться, от истощения,
решили взять корову, а денег не хватало,

гли, если вводят концы с концами. Решили в
выходные дни, а он был один, берут тележку и
едут за кобылом за 15-20 км, из этого кобыла
делали шетки для повелки и сдавали строитель-
ным организациям по 050 коп за штуку. На
вырученные деньги купили старую, швейцарскую,
портную машинку, мама шила почти людям,
а деньги опять копилка, взяла восточного,
детские помазки, стиральные порошки, вот на сто-
ленные деньги купили вторые в поселке корову,
вот тут окисли и лен и мои родители.

Но жить в бараке, а комната одна на восемь
двух, нарис и полати и тут же печь, корыто,
мойка шахтера и лен дети отдыхать не давал.
Решили купить домик на станции Иркутск,
теперь Камитальмаз, Иркутск, сенок и стайка были
из пластов. Заплатили 300 руб, а 300 накопили,
купив домик, отец покрыв тесом по самовольному,
уходят на работу, а маме наказали (она не

работал буржуйки (мел) предохранительное тое и
мне в малой фирмушкой за день предохранитель,
а он пришел в работу и в малой проза проше.
Огород картошки тоже в малой прививали,
а вотаром он дождливал. Уборную и стайку
постройки, завели 2-е поросят, кур, а коровы
было. Надо платить даем мне с мамой в
2 корова отирали деньги на врачей, учителей,
отвоз на было, краемаса наша работа.

Дошли маленький, все покурили, огород,
все свое, отшли, столько было радости. Но когда
беда, началась война и моих родителей очень
заставили везать на поселок под надзор коман-
данта. Там свободнее поселенцы на поселке в
надежда, приотрону крепко, поставил стайку,
все наше хозяйство 23-24-25 вначале не были
взят на работу, а потом когда Сталинград был
в опасности их взяли и все до единого побили.
Учиться везать не разрешали, 7 классов

всего, этой кверту задали маме. И маме в 1950
году стало проще и моя стайка закончила
Буржуйки техникум в г. Новосибирске, по окончании
которого направил в Томск. Я в 40 лет пошел
уже в Томске тоже закончил техникум. А
брат в 1942 году окончил Медицинский институт
с одной специальностью в трудовой книжке городская
детская больница № 4, вначале 7 лет заведующий
а потом 20 лет главврач больницы. Умер в 1956 году.

Второй брат в 1947 году тоже окончил институт,
работал заведующим ТЭЦ на заводе Сибэлектромотор,
когда началась перестройка его пригласили в
Томсктехмашинский институт младшим науч-
ным сотрудником. До этого поселился дожить на
Тостовый, 2 месяца прошло и отказали, потому
понятно почему - мы люди второго сорта. Умер в 1990

Дело того, чтобы выжить тем же или как
родители, все семьи погибли, чтобы их дети
получили высшее образование, в 1964 году

переехали в Толмек, чтобы выжить детей
Отец всегда говорил, я говорю мэрз, голодае,
всю жизнь с топором в лесоз и дрова, Гитлер.
Мы жили неграмотными, но кесно про-
работали, где бы мы не работали.